

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируются методы формирования социальных эмоций и их влияние на становление нового советского человека, рассмотрены базовые характеристики культуры в аспекте отношения личности к власти, а также произведен социально-антропологический анализ формирования поведенческих паттернов.

Ключевые слова: история эмоций, социальная история, культурная история, СССР, советский человек.

Лингвистическая антропология эмоций Карла Хайдера дала возможность получить ответы на следующие вопросы: как культура влияет на эмоции и в какой мере эмоциональное поведение являет собой культурную переменную [8]? Под «эмоциями» мы будем понимать «скорее смысловое наполнение переживания в связи с ситуацией, создающее распоряжения для действия», руководствуясь термином, введенным Лизой Фельдман Барретт [1, с.154]. В 1920-1930-е гг., в условиях «советского эксперимента», нам видится важным проанализировать феномен человеческой двойственности, которая представляется нами как диалектическая и состоящая из чувств, связанных с разделением и независимостью, с одной стороны, и привязанностью и взаимозависимостью, с другой. Данная эмоциональная конструкция существует как независимо от какой-либо конкретной социальной структуры, так и может изменяться под воздействием социальных обстоятельств [3, с.215-240]. Стоит отметить сущностные черты культуры советского человека, которые уже определены советской социокультурной доминантой. Среди них: идеализм и материализм, стремление к социальному равенству и справедливости, патернализм, коллективизм, индивидуализм, социальный оптимизм, склонность к планированию долговременной перспективы, эсхатологическая вера, фатализм. Таким образом, дихотомия чувств подтверждает феномен человеческой двойственности, а также тот факт, что социальные эмоции формировались двумя векторами: вектором действия власти «сверху» и вектором, формируемым собственной личностью, в соответствии с собственными чувствами, эмоциями, ощущениями.

В данном исследовании реконструкция исторической действительности основывается на использовании методов, заимствованных из антропологии эмоций, а также на применении лингвокультурного анализа текста. Данный инструментарий был выбран исходя из особенностей источниковой базы исследования. Под особенностью мы подразумеваем феномен эмоционально-гротескного делопроизводства, который и определил методологию, методику и структуру исследования.

Через призму междисциплинарных методов мы можем восстановить эмоциональный фон событий исследуемой эпохи. Маленький человек нового государства, запечат-

* © Алексеенко Е.В., 2020

Алексеенко Елена Вячеславовна (elenaalekseenko163@yandex.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

ленный в тот момент, когда он апеллирует к власти или застигнут властью, неизбежно одинок в коллективе. Ему приходится «пересотворять» себя, находить или создавать в самом себе личность, подходящую для нового советского общества [6, с.11]

Мобилизовать огромную нищую страну, пережившую революцию и гражданскую войну, на патриотизм, составной частью которого являлся трудовой подвиг, было возможно с использованием мобилизации коллективного воображения народа [7], а также прибегнув к манипуляции социальными эмоциями. Путем пропаганды «правильного» образа советского человека через прессу, литературу, искусство, идеологически «правильная» и одобренная «сверху» культурная модель стала общепринятым поведенческим паттерном. Различные аспекты культуры соответствовали определенным сущностным силам советского человека; в культуре советский человек должен был видеть самоутверждение, совершенство его собственной личности. Идеология решала задачу интеграции советского общества, тождества с народом при условии, «если культурные ценности значимой части общества и культурные ценности партии могли пересечься, сойтись по своему содержанию, прежде всего эмоциональному» [4].

Новый советский человек был заключен в «тиски» гигантской государственной машины с ее новыми ценностями и идеалами. Чтобы успешно начать индустриализацию страны, своевременно выполнить пятилетний план, восстановить разрушенное хозяйство, нужно было сделать мощный рывок. Интересы советского народа требовали, чтобы в стране была создана своя первоклассная промышленность, способная обеспечить высокие темпы развития народного хозяйства и обороны страны; для этого необходимо было воспитать человека нового социального типа, носителя технического прогресса, обучить его работе с машиной, повысить уровень технической грамотности и сделать ход производственного процесса его личным делом. Воспитание высококвалифицированного специалиста, способного решить насущные проблемы советской экономики, было первостепенной задачей партии.

Первые годы индустриализации выявили массу проблем, с которыми нужно было бороться. По данным Левада-Центра, среди отрицательных черт Homo Sovieticus были выделены следующие: безразличие к качеству своего труда, воровство с рабочих мест, отсутствие инициативы и уклонение от любой личной ответственности, заниженные амбиции, безропотное подчинение любым действиям властей, приспособленчество, готовность выполнять любые, даже безнравственные распоряжения, склонность к пьянству, подозрительность, лукавство [2, с.7-16]. Статистические данные подкрепляются фактическими сложившимися паттернами. К примеру, вопрос подготовки кадров являлся на тот момент самым проблемным. Партия через воспитание гордости за принадлежность к славному трудовому коллективу пыталась «закрепить» работника и простимулировать более качественный и производительный труд.

Все эти процессы прослеживаются в региональном периодическом издании – «Волжской Коммуне» за 1933 г. На ее страницах с заметками хвалебного характера, прославляющими доблестный труд советского рабочего, соседствуют заметки, обличающие врагов социалистического строительства, кулаков, белогвардейцев, мешающих подготовке тракторов к посевному сезону через вредительство и поломку машин. Однако не только классовый враг мешает выполнению плана, но и простой рабочий. Рабочие не видели необходимости «цепляться» за свое предприятие. Они всегда были готовы при прочих условиях сменить место работы и перейти туда, где труд полегче или лучше оплачивается. Отсюда возникает «феномен текучести кадров», который на рубеже 1920-1930-х гг. достиг катастрофических размеров.

На «комплекс текучести кадров» накладывалось еще одно существенное обстоятельство. Выгнать с работы пьяницу, прогульщика или нерадивого работника почти не представлялось возможным по политическим причинам: в СССР безработица была поставле-

на вне закона, что в условиях соревнования двух систем считалось одним из главных преимуществ социализма. Поэтому на рабочем коллективе лежала обязанность не изгонять из своей среды, а перевоспитывать провинившихся. В одной заметке из «Волжской Коммуны» под названием «Подготовим трактор к весне» в точности описывается данная ситуация на практике: «...послали в колхоз пахарем парня, потом сеяльщиком в бригаду ушел, он там дурака валяет, лодыря корчит, от работы отлынивает. Ну его затем переводят в другую бригаду. Он и там ни черта не делает, портит работу. Вот тогда и решают: "Отдадим его в трактористы, пошлем на тракторные курсы, может он там исправится". А потом сами же пославшие сидят и удивляются: отчего это у нас тракторы плохо работают, машины ломаются, нормы не выполняют...» [5, с.1]. Для советского мировоззрения была очень важна идея возможности «перековки» человека с помощью труда и рационализации индивидуальной жизни путем включения в коллектив.

Образ советского человека – «строителя социализма» – требовалось эмоционально маркировать, сделав фактом индивидуального и массового сознания советской эпохи, придать ему динамизм, возвышенное настроение коммунистического оптимизма и связать это настроение с социальными и культурными задачами. Таким образом, обращение к конъюнктивным и дизъюнктивным социальным эмоциям на этапе формирования «сознательности» советского человека имеет первостепенное значение, так как усвоенный эмоциональный опыт должен был стать «мостом» между досоветским и советским мировоззрениями.

Библиографический список

1. Баррет Л.Ф. Как рождаются эмоции: революция в понимании мозга и управлении эмоциями / Пер. с англ. Е. Поникарова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 432 с.
2. Левада Ю.А. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 2 (52). С. 7-16.
3. Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
4. Попов М.Е. Антропология советскости (Философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004. 200 с.
5. Текст первого всесоюзного съезда колхозников (Москва, 19 февраля 1933 г.) // Волжская Коммуна. 1933. № 41 (4191). 20 февраля. С. 1.
6. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л.Ю. Пантина. М.: РОССПЭН, 2011. 375 с.
7. Холквист П. Российская катастрофа (1914-1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей URL: http://www.ecc.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/1998/holkvist_11-12_1998.htm#_ftn1.
8. Heider, Karl G. Landscapes of Emotion: Mapping Three Cultures of Emotion in Indonesia. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 332 p.